
Ленка. Простая история "Не" попаданки
Нелли ИМ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Нелли ИМ

Ленка. Простая история "Не" попаданки

https://litres.ru/74726358
SelfPub; 2026

Аннотация

Неожиданный подарок не трезвых подруг привел Майорову Елену Владимировна, тридцати трехлетнюю молодую женщину в края, в которые она бы сама никогда даже не подумала поехать отдыхать. Дикие места и заброшенная база не самое экстремальное, что с ней могло случиться, а вот нападение волков-оборотней в ночь игры в страйкбол от которых она спасалась на ветвях сосен даже очень. Жизнь ее уже никогда не будет прежней, особенно когда рядом все время появляется вожак стаи.

Содержание

1	4
2	16
3	28
4	39
5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Нелли ИМ
Ленка. Простая история "Не" попаданки

1

Всё, о чём Ленка могла сейчас думать, — вторая чашка кофе была лишней. Ей хотелось как можно быстрее закончить напряжённую беседу с бывшим и отправиться на запланированную встречу с подругами в честь её дня рождения. Но это был как раз тот случай, когда желания не совпадали с возможностями.

Александр, как чувствовал, цепко ухватил её за руку и не выпускал, как пленника из заточения. Он смотрел в синие глаза, надеясь увидеть искру былого чувства, а видел лишь холод и раздражение. Ни то что бы ему действительно были нужны эти отношения, просто Лена оказалась той самой первой и единственной, кто его бросил, а он привык, чтобы последнее слово было за ним. — Чего ты хочешь от меня? — Заданный вопрос выбил Лену из колеи окончательно. — Я? От тебя? — Она аж воздухом поперхнулась. — Ничего. Мне даже интересно стало, что ты в действительности мо-

жешь мне предложить? — Себя? Семью? — Он понимал, что несёт полный бред. Она никогда не согласится вернуться. Но, как говорится, «надежда умирает последней». — Семью с кобелем, прыгающим из койки в койку? — прячась за презрением, произнесла она, и неприятные мурашки от нахлынувших воспоминаний предательства волной прошлись по рукам, заставляя все волоски встать дыбом. — Серьёзно? Ты бы мне ещё денег предложил.

— Как грубо. Я не настолько дурак, чтобы пытаться тебя купить.

— И заметь, я тебе за это искренне благодарна. Дураков в моей жизни и так хватает. А что касается грубости — я называю это прямолинейностью и честностью, — кривая усмешка лишь подчеркнула ее холодность. — Тебе такие понятия не свойственны, — ей очень тяжело давался этот разговор с бывшим. Сдерживать эмоции оказалось невероятно трудно. С бывшими вообще разговаривать сложно, особенно когда не простила.

Вместо всей этой светской болтовни хотелось залепить Сашеньке пару звонких оплеух и плеснуть кофе в смазливое лицо, но воспитание в очередной раз взяло верх, оставляя ее с несбыточными мечтами наедине.

— Издеваешься? — Холёный, как домашний кот выставочного образца, в меру подкачанный, в брендовых вещах и дорогой обуви, с одуряюще свежим ароматом от себя любимого и неповторимого, её бывший пытался изобразить отча-

яние и грусть-печаль на своей симпатичной мордашке.

— Хреновый из тебя актёр, Александр Хвостовский, я бы даже сказала, припаршивый. — Лена усмехнулась, прекрасно осознавая, что он играет очередную, выгодную для него роль.

«Не повелась», — угрюмо подумал он, а её веселило демонстрируемое горе взрослого, самодостаточного мужчины. Ведь всё, гад, имеет: и строительную фирму с господдержкой, и собственную виллу в Италии. Про машины она даже заикаться не будет: полный гараж, на любой жизненный случай, и даже яхта где-то под Сочи на причале дремлет. А уж женщины... И её когда-то в том числе, аж семь лет.

— Женщины. Женщины тебя погубят, Сашенька. Или их мужья, — выдохнула она, закатив глаза, не сдержавшись, понимая, что разговор зашел в тупик, а значит, пора его заканчивать и валить восвояси. — Ладно, пошла я, дел, знаешь ли, полно.

Она уже поднялась, засунув по ходу действия тысячную купюру под чашку недопитого кофе.

— Ты считаешь, что я не в состоянии заплатить за твой кофе? — возмущенно произнес он и левая бровь пошла на излом нарушая идеальную геометрию.

— Я считаю, что сама могу это сделать. Не люблю быть обязанной, — с милой улыбкой закончила она.

— Удивляюсь я тебе, — поднимаясь с места, произнес Александр, — судя по наличности на счете, умная, а ведешь

себя как дура.

— Ну уж прости, что выросло, то выросло. Твое, между прочим, упущение, воспитывать лучше нужно было, а не по чужим койкам скакать.

Ей не ответили, чему она была крайне рада. Меньше всего в свой день рождения хотелось спорить и ругаться с бывшим. Задолбал, если честно, каждый раз одно и то же. Вначале ноет: «Давай встретимся, кофе выпьем, поговорим о совместных проектах», а потом начинает рассказывать, как она была неправа, покинув уютное гнездышко в центре столицы, созданное исключительно для неё, и как много он ей мог бы дать. Ага, ага. Именно поэтому при каждой возможной её отлучке он тащил туда своих... прости Господи. Хоть бы про камеры подумал, идиот.

А камеры не просто писали происходящее, они транслировали его в личном кабинете в режиме онлайн, присылая сообщения о новом вторжении в помещение. И Лена вначале с обидой и слезами, потом со злостью, затем равнодушно наблюдала, как её официальный жених изменяет с очередным большегрудым или длинноногим трофеем.

Она никогда не признается в этом, но, по сути, была крайне ему благодарна: из Александра на удивление хороший педагог получился, научил быть сильной, самостоятельной и независимой. А сейчас он балласт на её шпильках, балласт, мешающий двигаться дальше.

— Лен, — обернулась, глянув на него из-под ресниц, сто-

ит такой весь несчастный, руки в карманах, с ноги на ногу переминается, — с днем рождения, — долетело до нее.

И радоваться нужно, что вспомнил. Семь лет забывал, а тут вспомнил — ну надо же! И даже день не перепутал — чудные дела нынче творятся. Точно в лотерею выиграю, подумала она, кивнула и, не прощаясь, ушла.

* * *

— Вер, я в грандиозной пробке на третьем стою, опоздаю, в общем. Без меня, чур, никуда не улетать, — кричала я в трубку.

Мои школьные и, как показала жизнь, самые верные подруги — Верка Горностаева и Анька Посолова — решили поздравить меня с днём рождения, пригласив в ресторан на Воробьёвых горах.

Не учли они одного: мой офис на другом конце города, а тут ещё и бывший решил, что для счастья мне как раз его явления и не хватает, чем окончательно испортил настроение. В результате я плелась по улицам со скоростью морской беременной черепахи в поисках места для кладки.

Девчонок я услышала издалека: открытая веранда ресторана совершенно не мешала их громкому гоготу. Робко мнущийся у стола официант пытался урезонить громких девушек.

— Судя по всему, я вовремя, — опускаясь в удобное кресло с высокой спинкой, произнесла я. — Меню можно?

Мне тут же подали чёрную папку с золотым тиснением и

шелковисто-глянцевой бумагой внутри.

— Шампанского нам, пожалуйста, пару бутылок, — уже далеко не трезвые девушки горланили и ржали, как ВДВешники второго августа, притапливая в фонтане скинхедов. Оценив уровень опьянения и глянув на время, искренне удивилась:

— М-да, мне казалось, я быстрее приехала. Когда успели набраться?

— Так они тут с открытия сидят, сюрприз вам готовят, — смущаясь, слил подруг молоденький официант.

— Это всё меняет. Шампанское отменить, а вот зелёного чая и побольше принесите. Можно с жасмином.

Пока девчонки изучали новый статус моего бывшего в соц-сетях, я попросила убрать весь алкоголь со стола: им уже хватит, а я за рулём. Собственно, я вообще стараюсь вести здоровый образ жизни, хотя тоже не без греха. — Ты посмотри, что творится, — причитала Анька, закатывая синие, как Чёрное море, глаза, так похожие на мои собственные. Мы с Посоловой даже внешне чем-то похожи, нас в университете все сёстрами считали. — Уже написал, что сердце разбито.

— Ага, ещё бы твой портрет в чёрной рамочке разместил, придурок, — икая и запинаясь, вторила ей Верка.

Верка из нас единственная замужем: ещё будучи студенткой-первокурсницей, выскочила за нашего сокурсника и была вполне счастлива.

Анютка развелась пару лет назад, оставшись с пятилетним

сыном на руках.

А я... Мне тридцать три и я сделала себя сама. На зло Сашеньке. На руках прибыльная фирма, позволяющая ни в чём не нуждаться, трёшка с ремонтом в Раменках и BMW представительского класса – то, что нужно для «бизнесвумен».

Семья? Любовь? Мужчины? Как бабка пошептала.

Хвостовский за семь лет непрекращающихся измен вылечил меня от этих страшных заболеваний. Три года я в свободном плавании, и на ошибки прошлого не тянет.

— Тааак, девочки, заканчиваем рукоблудить по чужим страничкам и начинаем трезветь. Верусик, бери чашечку чая и маленькими глоточками начинай пить. Анечка, не отставай. Молодой человек, — обратилась я к стоящему рядом официанту, — будьте добры чизкейк, любой, и молочный коктейль, ванильный.

Пока официант готовился к выносу моего заказа, я с утроенной силой заставляла девчонок выпить чаю. Они, конечно, сопротивлялись, но опыт даже чаем не пропьёшь. Так что я просто не оставила им выбора.

Через час на меня смотрели две похмельные, недовольные выдры. Теперь с ними хоть поговорить на равных можно было.

— И так, предлагаю чокнуться за моё здоровье. — Я подняла полупустую чашку зелёного чая, ожидая, что подруги ко мне присоединятся. Однако они не спешили.

— Ты знаешь, Лен, мы решили твой день рождения не

праздновать, — скривилась Вера.

— Ага, а пьяное веселье чем было? — Смеясь, вскинулась я.

— Мы придумали тебе подарок и даже уже оплатили. — Посолова громко швыркнула, отхлёбывая горячий чай. Любила она деревенские замашки, с другой стороны — у каждого свои недостатки.

— Мне уже можно начинать бояться? — Меня откровенно веселила ситуация, последний раз, когда эти две курицы решили устроить мне сюрприз, мы втроём проснулись в поезде на Уфу, в плацкартном вагоне среди дембелей.

Меня передернуло от нахлынувшего воспоминания. То чувство, когда ты не можешь понять, где ты и как ты сюда попала, поистине уникально, главное — обошлось без последствий.

— Бояться не нужно. Мы подум-али, — Вера громко икнула, привлекая к нам внимание посетителей за соседним столом. — Мы оплатили тебе недельный отпуск на Соловках. Это с учётом дороги, — выпалила на одном дыхании Вера. Вот это поворот!

— Не рано ли вы меня ссылаете? — единственное, что я смогла произнести. Кажется, пришла моя очередь нервно икать.

Глядя на двух серьёзных пьяниц, я всё ждала, когда они издадут радостный крик по типу «сюрприиииз» или «розыгрыыыыш», однако они продолжили, перебивая друг друга.

— Вообще, мы хотели отправить тебя на сплав по реке Белой, но нам денег не хватило, пришлось искать вариант подешевле, — признание моей альтер-эго заставило ещё сильнее вытянуться моё лицо. — А более гуманного метода избавиться от меня не нашлось? — уточнила я на всякий случай. — Можно же было просто не звонить мне пару недель, и деньги бы сэкономили, и от меня отдохнули. — Мы о ней заботимся, а она... — Вера начала заводиться на пустом месте, и это было плохим признаком. Пора бежать, пока всем на орехи не досталось. Как только её муж терпит? — Не еропенься и слушай, — продолжила Вера. — Поедешь, отдохнёшь, может, мужика себе найдёшь захудалого.

Чем больше она говорила, тем сильнее мне хотелось заткнуть ей рот салфеткой. — Нет, на захудалого неведись, ты у нас телка упакованная, нам абы какой не нужен.

Моё лицо вытянулось ещё сильнее, чувствую, скоро морда будет как у лошади, главное — не ржать громко. — Что я там делать буду? — Ты туда поедешь на поезде, — я была готова взвыть после услышанного. — Почему на поезде-то? — Мы старались расширить границы твоих скудных контактов. Замкнулась после Хвостовского, на работе и по сторонам не смотришь, а так, представь себе, сколько остановок, сколько людей, человеческих историй. Здорово же. Я ничего здорового в таком отдыхе не видела, более того, общаться не пойми с кем мне не хотелось вовсе. — Ну хорошо, предположим, я согла… — договорить мне не дали, невежливо

перебив на полуслове. — Вот и чудненько, там тебя встретят и разместят. К вечеру за тобой придут.

Прозвучало как: готовься к худшему. — Подождите. Я ещё никуда не еду, я просто предположила, что могла бы поехать. Что дальше будет? Можете рассказать? — Я же говорю, — Анька подлила себе уже остывшего чаю, — за тобой придут. Мы добавили тебе страйкбол на двое суток с местной командой.

Придурковатая радость на не совсем чтобы трезвых лицах подруг заставила задуматься: а так ли нужны мне подруги, тем более такие? — Представляешь, ты в лесу, в окружении двадцати молодых самцов в балаклавах и с оружием в руках. Ночёвка в палатке, шашлык, алкоголь и свобода. Блин! Я тоже хочу, — заныла Посолова. — С радостью уступлю тебе своё место. И разве Соловки — это не острова?

Скептически глядя на лучших подруг, я всё больше понимала, что подруг, видимо, больше у меня нет. Закончилась наша дружба длиною в жизнь. По чести говоря, я двух этих идиоток с буйной фантазией знала дольше, чем любого из своих мужчин. Наверное, это и удерживало от разрыва дружбы, а так, наши пути давно разошлись: у каждой своя жизнь, свои дела, свои пристрастия. А совместный отпуск раз в год только подчёркивает пропасть между нами, но создаёт новые, незабываемые воспоминания. Да уж, забудешь такое.

— Ты не волнуйся, мы всё продумали, вещей много не бери, всё нужное предоставят. Экипировку там разную, ору-

жие на выбор, кормить тоже будут, поить по обстоятельствам, но предупредили, что места дикие, лучше сильно не бухать.

Я смотрела на них трезвыми глазами и удивлялась их наглости: они с утра пьют, а мне в отпуске не бухать, во дают!

— Самое главное забыла, выезд сегодня вечером.

— Когда? Вы в своем уме? Идиотки чокнутые, звоните и всё отменяйте, я никуда не поеду.

— Нам деньги не вернут, — разнылась Верка, — я, между прочим, из семейного бюджета выдернула приличную сумму, а она ехать не хочет.

— Всё уже оплачено, и вообще подарок дарят в день рождения, а не позже, — надула губы моя почти что близняшка.

— Сейчас мчим к тебе, собираем быстренько вещи и на вокзал. Оттуда поездом до Питера, а там на теплоход до Соловков, — её энтузиазм ударил наотмашь, аж в ушах зазвенело и слегка лицо перекосило, но слушать меня не собирались.

— Подожди, подожди, ты же только недавно сказала, что я еду на поезде.

— Напомню: Соловки — острова, туда только по воде добраться можно. Мне оставалось только глаза закатить и постараться не расплакаться. Меня уже тянули за руки, стараясь заставить двигаться. Как в дурном сне, я рассчиталась за всех и под непрекращающийся гомон подруг вышла на стоянку к авто.

2

Подъем на седьмой этаж выдался адским: девчонки накидывали список необходимых вещей, и получалось, что скромным рюкзаком я не отделаюсь, и со мной поедут как минимум три здоровенных чемодана. — Обязательно возьми с собой презервативы, — высказалась Анька, пока я рылась в сумочке в поисках ключей. — Зачем? — не прерывая своего важного дела, поинтересовалась я. — Ты же отдыхать едешь, в мужском коллектиииееее, — пропела она. — Презерватив «на всякий случай» отпугивает случай.

Меньше всего я ожидала подобного высказывания от нашей замужней истерички. Удивительно, что она вообще знает, что это такое и для чего. С самой первой до брачной ночи ее любимый Сереженька с утроенной силой пытается «их» безрезультатно забеременеть. — Закон Мерфи, — со знанием дела добавила Вера. — И откуда у тебя такие познания?

Я замерла в ожидании ответа, позабыв про ключи. — А, — махнула она рукой, — на сайте каком-то вычитала. — С чего вы взяли, что они мне понадобятся? — Да, я сопротивляюсь, да, мне влом куда-то переться на ночь глядя и тем более ночевать в палатке с двадцатью потными незнакомыми страйкболистами. Только выбора мне не предоставили, взяли в оборот с двух сторон.

«Мы тебе счастья желаем», — уговаривали они. «Тебе это нужно», — утверждали на два голоса.

На часах 00:24, поезд медленно трогается, а я всё машу в окошко двум идиоткам с моим рюкзаком в руках. Хорошо хоть документы, телефон и деньги всегда со мной, а вещи... новые куплю. В Питере. Теперь уж точно придётся обновить гардероб.

Мы так долго собирались, что чуть не опоздали на поезд. Меня в вагон впихнуть успели, а вот рюкзак за каким-то чудом остался в руках подруг. Чует моё сердце, это злостный заговор: слишком морды у подруг довольные были. И такси подозрительно долго крутилось по городу, и вся эта поездка — без здравого смысла. И вообще, начало не очень. Купе пустовало, что меня несказанно обрадовало, а ещё я, как ребенок, радовалась предстоящим восьми часам сна. Написав пару сообщений заместителям, я отключила телефон и с удовольствием задремала. Будильник сработал ровно через восемь часов. За оставшиеся двадцать восемь минут до прибытия я успела собрать постельное, умыться и выпить чаю с печенюшкой. Ровно в 8:52 поезд прибыл на Московский вокзал Санкт-Петербурга. Бредово звучит, конечно, но да – Московский вокзал в Питере. Меня всегда веселили подобные казусы. Впереди меня ждал теплоход «Ленин» и два дня морской болезни. Шучу, очень надеюсь, что плавание пройдет спокойно. Отплытие в 19:00, есть время подумать о насущном. Мне предстояло найти торговый центр недале-

ко от места отправки теплохода. Питер я не знаю, была проездом пару раз и то с сопровождением. Однако, идя на запах обновок, с поставленной перед собой задачей я справилась быстро и даже промокнуть под питерским летним дождем не успела. Прикупила я всего и побольше, чтобы потом смело хвастаться перед подругами: «Ах, пришлось за трусами в Питер ехать, в Москве ничего интересного не нашлось». Естественно, что купила я не только трусы: взяла пару футболок, спортивный костюм, шорты, кроссовки, ветровку, кепку, набор носков-недельку, носовые платки, новый вместительный рюкзак и, поддавшись на уговоры подруг, – презервативы.

— Надуешь, если что, и украсишь ими палубу, — кричала Посолова в трубку, радуя окружающих дополнительной информацией к старой как мир инструкции по применению резинового изделия.

* * *

Одноместная каюта встретила меня своеобразным уютом, не сильно отличающимся от обстановки купе в поезде. Узкая койка, угловой столик с пуфом, полка над кроватью, встроенный шкаф — и, в общем-то, всё.

Бросив рюкзак на кровать, выбралась на палубу: интересно же посмотреть, как отплывать будем. Не я одна оказалась столь любопытной, народу — море, все подходы к поручням были заняты, не продраться. Помаявшись туда-сюда, теряя на ходу остатки хорошего настроения, я всё же решила вер-

нуться. Но тут меня придержали за локоть, и коренастый мужчинка в джинсах и белой алкоголичке спросил: «Выпить хочешь?»

И что я должна была ему сказать? Какого ответа он ждал от серьезной тридцатитрехлетней «девушки» в дорогом спортивном костюме и белоснежных кроссовках? У меня что, на лице написано, что я не против совместных излияний? Как мягко отказать, что бы не нарваться на неприятности в первый же день?

Но тут что-то пошло не так, и я, удивляясь сама себе, ответила: «Хочу». Бар на судне оказался местом многолюдным, но наша троица умудрилась отпочковаться ото всех. Еще бы, мальчики мне достались с такими рожами, что вряд ли кто-то решился бы подойти.

— Анатолий, Николай, — представились новые знакомые с самыми что ни на есть бандитскими рожами.

— Ленка, — с загадочной улыбкой представилась я, вызвав тем самым легкое недоумение на небритых лицах.— Может, все же Елена, Леночка, Алёна?

— Нет, мальчики, сегодня я Ленка, ПЛОХАЯ ДЕВОЧКА. Наливай.

Убила парням последнюю надежду на приятный вечер. Не знаю, на что надеялись Коля и Толя, а у меня душа праздника требовала и медведей с цыганом. Зря я что ли ночь в поезде провела и гардероб обновила? Вот сейчас выпью по-взрослому и дефиле обновок устрою. Сидя за барной стой-

кой в окружении двух борцов, под звуки шансона и детский плач, долетавший до нас через окошко с палубы, я слушала трагичный рассказ о том, как двух победителей европейских соревнований в тяжелом весе вместо Таиланда отправили на Соловки. После второй рюмки горячительного мне захотелось уединиться в каюте, оставив и цыган и медведей за бортом в компании собутыльников, но парням требовался третий и свободные уши, а я явно переоценила желания своего организма ну или не учла возможности спортсменов.

В общем, пресловутое «третьим будешь» как раз сегодня олицетворялось мной. После третьей порции холодного горячительного, которую я умелой рукой слила в чужой бокал пива, я поведала свою не менее трагичную историю попадания на теплоход. История про презервативы и их покупку вызвала всеобщий хохот, бармен, коим-то образом присоединившийся к нашей компании, даже налил нам за счет заведения. И вот оно было лишним.

Утром я проснулась с надутым презервативом в руках, и, собственно, все они здесь лежали, надутые и завязанные, вся пачка, двенадцать штук, а еще спасательный круг и куча мокрых полотенец. И вот казус: полотенца есть, спасательный круг есть, даже презервативы надутые есть, а воспоминаний ноль, зеро, пусто.

С жуткой головной болью я выходила на свежий воздух для променада в надежде, что сейчас быстро съем что-нибудь горячее и жиденькое и отправлюсь спать в каюту, по пу-

ти вспомнив все перипетии вчерашнего вечера. Мироздание со мной сегодня было явно в раздрае, мы вообще с утра друг друга не понимали: меня тянуло к еде и подушке, а мироздание требовало праздника с карнавальным шествием.

Шествие нарисовалось само, остановка в Кижах была как раз к месту. Послав мироздание на экскурсию и проводив его до сходни, я завалилась в бар и столкнулась нос к носу со старыми знакомыми.

Борцы Коля и Толя как будто и не уходили. Не переодевались точно. Майка-алкоголичка со следами моей помады находилась всё там же, на крупном торсе Коли, как и запах вчерашнего перегара, от которого меня замутило.

Первым желанием было отступить тихонечко и вернуться в каюту, но улыбчивый бармен, сегодня почему-то с подбитым глазом, махнул мне рукой как старой знакомой, привлекая внимание борцов к моей, стеснительной сегодня, особе.

Тяжело ступая, я шла к бару как на эшафот. Только села, как передо мной волосатой конечностью Коля водрузил стопку горячительного.

— Я не пью. Больше. Ни-ког-да.

— Пиво будешь?

Коля оказался ещё тем затейником, и передо мной тут же бармен выставил слегка влажный бокал холодного пива с белой плотной пеной по краю.

— За спасенную жизнь, — выдал он и подмигнул как старой знакомой.

Задержав дыхание, я прислушалась к своему организму. Организм был против, а вот руки-предательницы сами потянулись.

— И орешков, — попросила я, прежде чем сделать первый спасительный глоток. Ииииии.....

Я с жадностью припала к пенной шапке, делая долгий, самый первый, голодный глоток. Мелкие пузырьки ударили в нос, и пшеничное чуть горьковатое послевкусие растеклось по нёбу, заставляя жмуриться от удовольствия. — Блин, как она это делает? — высказался точно кто-то из вчерашних собутыльников, но я была не в том состоянии, чтобы анализировать и узнавать. — И мне плесни того же. Так вкусно пьет, что не удержаться. — Ты же зарекался вчера пить с бабами. — Она не баба! — громогласно, на весь бар, поведал любитель пива. Поставив пустой бокал и не открывая глаз, я улыбалась от ощущения неги и простого счастья опохмелившегося человека.

Обычно ничего, кроме слабых коктейлей или шампанского, мы с подругами не пьем, ну, может, мартини еще разве что. Это обычно, а я находилась в стрессовой ситуации, плывя непонятно куда и неясно зачем. Нет, маршрут мне известен, одно неясно: на кой я согласилась? Вспомнив о цели своего появления в данном помещении, я скромно поинтересовалась: — А можно супчика какого-нибудь? — Пельмени по-старорусски будете?

Предложение бармена заинтриговало, и я без лишних

раздумий согласилась. Говорю же, анализировать сегодня не мое. В маленькой керамической кастрюльке на большой плоской тарелке передо мной поставили одуряюще пахнущий заказ. Крышечку сняла двумя наманикюренными пальчиками и испытала экстаз от аромата куриного бульона с зеленушкой и пельменей с семгой. — Ты посмотри, что вытворяет! Она нам сейчас всю развлекательную программу сломает. Эй, парень, повтори заказ два раза. — Николай, — а говоривший был именно им, — как мне относиться к вашим словам?

Благостное состояние после бокала пива и пельменей в бульоне не оставили мне возможности обидеться. — В наши планы пиво не входило, — ответил Николай. — Как и закуска, — поддержал его Анатолий, — но ты так смачно пьёшь и закусываешь, что не удержаться. А у нас режим, между прочим. Мы спортсмены. Лишние калории — смерть для организма. Всё, что мне осталось после его слов, – криво усмехнуться. КМС-ники хреновы. Вскоре за барной стойкой мы остались втроём, не считая бармена, все остальные пассажиры ринулись в Кижи вслед за моим выпровоженным мирозданием, стремясь догнать и перегнать его. Неспешная беседа под горячее и в меру охлаждённое помогла привести голову в порядок и убить время до конечного пункта путешествия. До Кижей я так и не добралась. Пришлось довольствоваться отобранным у бармена магнитиком на холодильник с надписью «Сызрань — любимый город» и обещанием

дополнительных бонусов в виде сувенирки от борцов.

День прошёл замечательно, я даже шаткой походкой умудрилась прогуляться по палубе, а вот вечер... Караоке — это не моё, но так как с анализом происходящего весь день были сложности, то я даже микрофон в руки брала и даже что-то пела под громкие подбадривания спортсменов.

На мои вопросы о спасательных кругах и подбитом глазе мне поведали страшную историю столкновения характеров. Собственно, моего и капитанского. Угадайте, кто победил? Правильно! Победила дружба, отчего капитан отсыпался до вечера в каюте. Следующий день обещал стать для меня последним на теплоходе: мы прибывали в точку моей высадки. Тамарин причал встречал нас не летней прохладой при ярком солнце. Спустившись по сходням в окружении двух новоявленных собут… друзей, я оглядывалась по сторонам.
— Разве ты не с туристической группой? — уточнил Николай, жмурясь от солнечных лучей. — У меня индивидуальный тур, — натянув солнечные очки, я спрятала не протрезвевшие глаза от окружающих. — Я думал, ты шутишь, — Анатолий спустил на причал мой рюкзак, — и кто ты сегодня? Знаешь, после Елены Владимировны, которую ты вчера нечаянно включила при звонке с работы, мне уже ничего в этой жизни не страшно. Я готов даже жениться на тебе.

— Так, тпру, залетные, ты же плакался на свою жену-стерву? — Я беспокойно глянула на громилу, в тайне надеясь что он сейчас пошутил.

— Развод - трехминутное дело, — хохотнул Николай.

— Не, ребят, простите, но я не по этой части.

— Да знаю, — печально выдохнул Анатолий, — вот так всегда, встретишь нормальную бабу, а она оказывается Елена Владимировна. Не зная, как реагировать на слова спортсмена, сделала морду кирпичом и, оглядевшись по сторонам, заметила идущего в нашем направлении мужчины в камуфляже.

Фигура у него была примечательной: не такой массивной, как у борцов, но не без мышечного каркаса, более гибкая, что ли, с какой-то звериной грацией.

Пружинящей походкой к нам подошел симпатичный кареглазый брюнет и, достав телефон, прочитал с экрана: «Майорова Елена Владимировна?» Я уже собралась лезть в карман за документами, но моего неловкого кивка оказалось достаточно. Рюкзак тут же взлетел на крепкое плечо, и брюнет, особо ничего не объясняя, сказав: «Жду пять минут», — направился к старенькой моторной лодке, стоявшей невдалеке. Грустно глядя уходящему мужчине вслед, я на чём свет стоит костерила своих подруг, обеспечивших мне геморрой на целую неделю. Быстрое прощание с борцами и обмен обещаниями звонить, которые я никогда и ни при каких обстоятельствах не собиралась исполнять, я рванула за наглецом, упёршим мои вещи.

— Быстро вы, — усмехнулся мой личный экскурсовод. Я втайне надеялась, что меня сейчас отвезут в отель, рассе-

лят и после длительного релакса в хамаме или хотя бы сауне пригласят на стрельбу по мишеням, приодев в зелёного человечка. После чего моя страничка в соц-сетях пополнится новыми статусами и фотографиями.

— Или мальчики оказались не столь умелыми, как привыкла столичная куколка?

Остолбенев от напора незнакомца, единственное, что смогла произнести: — Не ваше дело.

Я уже была готова выхватить рюкзак и уйти самостоятельно искать гостиницу, в которую меня расселили. О том, что она могла оказаться не на этом острове, я старалась не думать. — Садитесь, — подхватив под локоток, меня буквально силой усадили на деревянную скамью, не вызывающую доверия. Надо сказать, что весь вид моторной лодки вызывал большие вопросы о её дееспособности. При других обстоятельствах я бы в неё ни в жизнь не села. Столкнув лодку с мелководья, мужчина ловко запрыгнул в нее сам, отчего моторка качнулась, заставив меня схватиться за борта и крепко сжать зубы, чтобы не ойкнуть ненароком. Сосредоточившись на синем небе, я старалась не обращать внимания ни на мотор, работающий с перебоями, ни на воду, внезапно появившуюся на дне лодки. Кроссовки на высокой подошве позволяли не опасаться промочить ноги. Тем временем количество воды на дне неуклонно росло, и, наверное, настал момент спросить о сроках прибытия или поговорить про технику безопасности. Хотя нет, для последнего уже слишком

поздно. — Нам долго ещё? — От накатывающей тревоги я смотрела только на прибывающую воду. — Успеем доплыть, — ответ лодочника насторожил. — Успеем доплыть до куда? — Подняв голову, я взглянула на небритое лицо мужика с примечательной внешностью. Таких обычно на обложках женских романов рисуют: ровный нос, чуть изломанные в ироничной усмешке губы, брови вразлёт, глаза коньячного цвета в ореоле густых ресниц с чуть выгоревшими кончиками. Классика.

Я после Хвостовского вообще мужчин иначе как тягловую силу для переноски тяжестей не рассматривала, а уж красавцами принципиально брезговала. Красавцы — они для всех, а мне свой нужен, для индивидуального пользования. Жаль, встретить такого в этой жизни не судьба. Одни метросексуалы вокруг: чистенькие, холёные, ухоженные и для общего пользования, каждый с личным списком побед, среди которых видеть своё имя я больше не хотела.

3

Мы доплыли до ручки, вернее, до моих мокрых ножек. Погруженные в воду по щиколотку, ноги начинали подмерзать, отчего зубы мои отбивали чечетку. Белое море — это вам не Черное: температура воды летом выше шестнадцати градусов не поднимается.

Рулевой с каменным лицом, не предполагающим излишних вопросов, смотрел вдаль за мою спину. Очень хотелось верить, что видел он там конец нашего пути, а не наш бесславный конец.

Я же с нарастающим ужасом осознавала, что берег удалился настолько, что даже в теплой воде мне столько не проплыть. Стараясь не паниковать, достала телефон и написала прощальное послание подругам, мол, прошу никого в моей смерти не винить, претензий ни к кому не имею и всех прощаю, и прошу прощения, если кого мало обидела. Уже собиралась нажать кнопку отправки, как вдруг поняла, мотор лодки не шумит и лодка по инерции двигается все медленнее и медленнее. А легкий удар о борт заставил меня вздрогнуть и все же обернуться.

Мы уперлись в белоснежную яхту, на палубе которой стояли еще двое в непринужденных позах и камуфляже, видимо, оптом форму брали, что бы сразу было видно — коман-

да!

Рюкзак с вещами тут же перебросили на борт яхты, а меня, как котёнка, потянули за шиворот и вздернули, нимало не убоявшись ни моего веса, ни моего праведного гнева. Рулевой моторки запрыгнул следом.

— Проходите в каюту, вас там ожидает тёплая одежда, — оглядывая меня с ног до головы холодным, пугающим взглядом, произнёс, по-видимому, капитан, — только разувайтесь, — глумливо усмехнулся он, глядя на лужу подо мной.

С ядовитой улыбкой, еле сдерживаясь, чтобы не наорать на ни в чём не повинного капитана, я стянула мокрые кроссы и демонстративно слила ледяную воду за борт яхты. Про носки мне ничего сказано не было, а значит, я пошла, оставляя за собой мокрый след. Как говорится маленькая гадость ближнему — сердцу приятна.

Шлёпая по белоснежной палубе яхты, быстро сориентировавшись, я нашла вход в каюту. Она оказалась совершенно крохотной и двухместной. Прикинув расположение соседней каюты, вывод напросился сам — спать я здесь буду не одна, если, конечно, придется ночевать.

На одной кровати, застеленной серым флисовым пледом, лежала стопка вещей камуфляжной расцветки, а на полу стояли резиновые сапоги жуткого розового цвета. Мне было все равно, я так замёрзла, что готова и ватник с кирзачами напялить.

Натянув предложенное термобельё с теплыми носками,

комбинезон и куртку, взяла в руки прилагающуюся балаклаву, свою кепку со стразами, розовый кошмар китайского ширпотреба и тихо вышла в коридор.

— С ней сплю я, — раздалось из кают-компании. Капитан не настаивал, судя по тону, он скорее ставил в известность свою команду. Я, при первых звуках разговора, замерла, порадовавшись хорошо смазанным дверям, не издававшим ни звука.

— Ты сам выбрал противоположную каюту, — спокойным тоном возразил ему мой рулевой.

— А я передумал, там от иллюминатора дует.

— Главное, смотри, чтобы тебя в постель к клиентке не задуло, — третий, так и не представившийся, как, собственно, и капитан, тоже отчего-то не спорил, видимо, впечатление я произвела исключительно на капитана.

— Это я как-нибудь переживу, — с насмешкой ответил капитан.

Ага, он, значит, переживет, а мне что делать? Это вы зря, ребятки, я калач тёртый, меня голыми руками, холёных мужиков с лёгкой небритостью, не взять.

Приоткрыв дверь, громко ею хлопнула, еще и кулаком стукнула, мол, вышла, можно начинать спектакль.

Кто там утверждал, что спектакль начинается с раздевалки? Ничего подобного, спектакль в нашем случае начался с подслушанного мной разговора и сразу же возникшего желания умыть гадов. И это всё не выветрившийся алкоголь ви-

новат: была бы трезвой, устроила бы безобразный скандал, вытребовала бы неустойку и заставила отвезти себя на ближайший вокзал. А так, видите ли, поиграть захотелось, доказать козлам, что они рогатые.

Не дожидаясь приглашения, нагло вошла в кают-компанию, в которой за накрытым столом сидела троица.

— Ну что, будем знакомиться? — расплылась я в улыбке. — Майорова Елена Владимировна, прибыла для прохождения недельного отпуска, — демонстративно глянула на часы на запястье и поправила себя, — уже меньше. Прошу любить и жаловать.

Многозначительно усмехнулась, глядя на оторопевших мужиков, и уселась на свободное место, закинув ногу на ногу. Не глядя на команду яхты, по-свойски сняв клош с тарелки, принюхалась к рыбе, приготовленной на пару.

— Лимончика бы, — глубокомысленно произнесла за погружённым в молчание столом и игнорируя присутствующих приступила к трапезе.

Рыба оказалась свежайшей, лимон мне тут же предоставили, и я в гнетущем молчании наслаждалась каждым кусочком.

— А вы чего ждёте, не голодные? — Троица сидела, не притрагиваясь к своим приборам, следя за каждым моим действием. Наливая себе минеральной водички, я высказалась, не сдержавшись: — Вы что-то подмешали в еду? Она отравлена? Капитан шумно выдохнул и, оторвав острый

взгляд от моих рук, ответил вопросом:

— С чего такие подозрения? — С того, что вы не едите, явно чего-то ожидая.

Вскинув бровь, посмотрела замершему капитану в глаза. — Какой у вас цвет глаз занимательный.

Почти жёлтые, как подведённые из-за густых чёрных ресниц, с чернеющей точкой зрачка. От них невозможно было глаз оторвать. — Да, мне многие это говорят, — спохватившись, отозвался капитан и тут же продолжил скрывая свою напряженность: — Представлю вам нашу команду. Встретил вас наш рулевой Алек Рык. Не отрывая взгляда от тарелки, я лишь кивнула. — Это наш, — капитан на мгновение замялся, — матрос Сарт Лапик. Посмотрев на сидевшего слева от капитана молодого мужчину, поняла, что переоценила его: передо мной сидел мальчишка лет девятнадцати, молодой, с ещё не потухшим, как у Алека, взглядом. — Я капитан судна и страйкбольной команды, Ромул Хвостов. Я подавилась. Опять хвост? Это, видимо, наказание за грехи молодости: то Хвостовский семь лет мозг делал, теперь этот «Хвостов» спать со мной собирается. Прокашлявшись в мёртвой тишине кают-компании и утерев слёзы салфеткой, я зачем-то начала с извинений. — Прошу прощения, я не специально. Вдохнула не в то горло. — Ничего, главное, что всё уже в порядке, — меня только что по плечу участливо не похлопали. — Давайте я вам расскажу, что будет дальше. — Ой, знаете, мне так интересно, прям от любопытства сгораю,

— приложив руку к области сердца, я несколько раз хлопнула подкрашенными ресницами, всем своим видом намекая, где я видела их программу моего прибывания. К тому же ужасно не хотелось позволять ему главенствовать над ситуацией. Желваки на лице капитана двинулись, мужик явно терял терпение. — К утру мы вернёмся на базу и... — На каком из островов она находится? — я опять не дала договорить, невежливо перебив его. — Она на материке, — влез в разговор Лапик, его клыки, особо выделяющиеся на худом мальчишеском лице при улыбке, бросались в глаза. — Я не совсем понимаю, как на материке? А зачем же тогда нужно было плыть на теплоходе? — Этот вопрос не к нам. Вы же сами бронировали поездку, должны знать, для чего вам это понадобилось.

Капитан не сводил с меня взгляда сверля черным точечным зрачком.

— Вот курицы! — выругалась я, поминая своих подруг не самыми добрыми словами, на что мужчины странно отреагировали. Они как-то подтянулись и чуть подались вперед, как будто готовились к охоте на этих самых куриц. — Это я про подруг, — пояснила я на всякий пожарный случай, — они мне поездку на день рождения подарили, поставив буквально перед фактом. Я вообще никуда ехать не планировала, у меня дома работы полно и времени на развлечения совсем нет. Может, вы меня довезёте до ближайшей железнодорожной станции и разойдёмся, как в море корабли? — К сожале-

нию, мы обязаны предоставить фото-отчёт заказчику, — после недолгого обдумывания моей просьбы ответил капитан. — Не вижу сложностей: сейчас выходим на палубу, делаем несколько фотографий на мой айфон, и вы меня ссаживаете ближе к людям. Как вам такое предложение? Я была готова заплатить сверху, лишь бы избежать потери времени в лесах не пойми где. — Елена Владимировна, — глядя мне в глаза, проникновенно произнёс капитан яхты, команды и, видимо, по жизни тоже капитан, — вы предлагаете нам нарушить договор и тем самым нанести непоправимый урон нашей репутации. Мы не можем согласиться с вашим предложением. — А если я заплачу? — начала я торговаться за свою свободу, совершенно не подумав о том как буду оправдываться перед девчонками. — Даже в этом случае деньги мы сможем от вас принять за оказание дополнительных услуг по факту исполнения уже оплаченных. Горестно вздохнув, я продолжила ужин, а капитан — свой рассказ о грядущем: — Итак, завтра вы будете на нашей базе под Кемью. День уйдет на подготовку, знакомство с командой и выход на позиции, затем суточная игра, и мы вас вернем в Кемь на железнодорожный вокзал, прямо к поезду до Москвы. «Ахм», — согласилась я, не переставая жевать. Что же, несколько суток я потерплю, а потом приеду и задушу идиоток.

Погрузившись в свои мысли, я не заметила, как ужин подошел к концу, очнулась, когда матрос начал убирать посуду со стола. Молча встала и вышла на палубу под пронизываю-

щий северный ветер.

— Вам лучше одеться, — раздалось за спиной. Натянула куртку и поняла, что капитан продолжает стоять позади меня. — Вы меня караулите? — Это моя работа. — Я не идиотка, кидаться в ледяную воду сдуру не стану, не тот типаж. — Хм, очень на это надеюсь. Печально будет потерять столь приятную девушку. — На работе с вами многие бы поспорили, это я пока молчу, приятная. — Бывает, все мы не без греха, — усмехнулся капитан.

Разговор ни о чём закончился ничем. Поглядев ещё чуть на водные просторы, вслушиваясь в дыхание за спиной, я всё же поинтересовалась: — Может, у вас тут рыбалка есть? До ночи ещё далеко, скучно просто так сидеть. — Вы когда-нибудь рыбачили? — Капитан всё же встал рядом. — В детстве, с родителями ездила на платные озёра. Папа любил карповую ловлю.

— Любил? Все в прошлом?

— Папа выкупил землю и создал с нуля свой пруд, теперь он рыбалку ненавидит, — усмехнулась я. — Отношение поменялось после постоянного прессинга проверяющих структур. Говорят, незнакомцу легко рассказать всю свою жизнь. Мне не повезло, тяжело разговаривать с человеком, которого видишь первый раз в жизни. И тут вопрос: это я бракованная или с моим незнакомцем что-то не так? Наша беседа постоянно сливалась за борт в холодные воды Белого моря, и палуба замирала в тишине.

— Хорошо, я принесу вам спиннинг и насадку для крючка. — Я молча кивнула, соглашаясь, что было бы неплохо. Вглядываясь в темные глубины Белого моря, я с замиранием сердца представляла, как падаю в ледяную воду и на меня из глубины кидается морское чудовище, мечтающее полакомиться москвичкой. Меня всегда тревожила глубина, поэтому к морю у меня особое отношение. Люблю шум волны, соленые брызги, но плыву, пока под ногами чувствую дно. Провалившись в свои мысли, не заметила, когда господин Хвостов появился рядом.

— Вот, держите. — От неожиданности я дернулась и чуть не свалилась за борт. Протягивая мне спиннинг, капитан тоже не ожидал такой моей реакции, и, чтобы избежать нечаянного моего падения, схватил за что пришлось.

Сложно сказать как, но я оказалась в объятиях шумно дышащего капитана и от испуга даже не попыталась отстраниться или хоть мало-мальски высказать свое негодование. Завороженно глядя снизу вверх в желтые глаза, мне впервые за последние три года захотелось, чтобы меня поцеловали. Капитан как будто прочел мои мысли и, наклонившись, очень нежно коснулся моих губ. От него пахло морем, рыбой, подаваемой за ужином, и легкой туалетной водой. Замерев, я вслушивалась в свои ощущения. После Хвостовского мне казалось, я больше никогда не смогу доверять мужчине. Сейчас же отчего-то очень хотелось довериться, заново испытать те чувства, которые может подарить мужчина, но в

голове билась мысль: «Я всего лишь следующая в списке».

Мысль, между прочим, здравая. Капитан, конечно, хорош, но я настолько привыкла быть одна, что любые, даже самые кратковременные отношения пугали.

— Ты напугана, — резко перейдя на «ты», произнесли мне в губы, едва их касаясь.

— Мне есть чего бояться? — всё так же, не меняя позы, ответила я.

— Я не причиню боли. — Объятия капитана стали крепче, а затвердевший пах мужчины сказал больше чем мне бы хотелось знать. — Секс без продолжения? — От моего вопроса Ромул замер, видимо, подобного ему еще не предлагали. — Без последствий точно, — едва улыбаясь, ответили мне, всё так же обжигая дыханием.

И тут я вспомнила про надутые презервативы. Сдавленный смех вырвался сам: права оказалась Верка, а вот были бы презервативы целы, ничего бы и не светило. Просто уверена в этом. Предохранилась, блин, — я сдавленно хмыкнула своим мыслям. — То есть предохранители у тебя есть? — уточнила, сама понимая, что я же не первая, значит, всё у него есть. — Ты боишься, что я не справлюсь без предохранителя? — Удивился капитан.

Охренеть, он ещё и не предохраняется! Точно, пора валить, и как можно быстрее. Стремясь выкарабкаться из крепких объятий капитана, я завозилась в его руках. — Ты знаешь, наверное, ну её, эту рыбалку, — и он многозначи-

тельно усмехнулся, — отнеси удочку назад и телесные удовольствия без последствий забери с собой. Вскинутая бровь и разжатые руки, предоставившие мне свободу выбора, заставили задуматься, в чём я не права. Но думать сегодня не моё, и я практически сбежала, нырнув в каюту. Просидев в одиночестве до сумерек и так и не дождавшись капитана, а я втайне надеялась, что он появится и хотя бы объясниться попробует, разделась до исподнева и укрылась с головой.

Я ждала хоть чего-нибудь, хоть малейших действий со стороны капитана, но в каюту никто не входил, и я сама не заметила, как всё же заснула, укачиваемая медленным движением яхты.

4

Утром меня разбудил звонок с работы:

— Елена Владимировна, — спешно говорила в трубку моя секретарь, как будто опасалась опоздать, — тут запрос пришёл от китайцев, просят сертификаты на оборудование предоставить, а они у вас в сейфе заперты.

— Нет их у меня в сейфе, они у менеджеров должны быть. Лично папку относила, — потягиваясь и зевая, ответила я. По ходу оглядела соседнюю нетронутую кровать.

— Я спрашивала, они не знают, — заныла девушка.

— Наташа, ты мне сейчас что предлагаешь? Быстро вернуться из отпуска и поискать сертификаты? — Мысль о том, что, несмотря на все желания капитана, я ночевала одна, заставила внутренне напрячься, сбивая с темы разговора.

— Найди эти чертовы сертификаты и пришли их фото мне. — Вызверилась я на несчастного секретаря. — Переводчик вышел с больничного?

— Да, Елена Владимировна, вчера появился.

— Вот и хорошо, пусть подготовит договор в стандартной форме, на двух языках, и отправьте его китайцам на рассмотрение.

— Елена Владимировна, вам тут посылка пришла от ро-

дителей, мне с ней что делать?

В дверь каюты постучали.

— Войдите, — выкрикнула я, продолжая слушать секретаря.

— Ой, я вас, наверное, отвлекаю. — М-да, секретарь мне досталась недалекая, но продвинутая, она бы точно от секса без последствий не отказалась. Надо признать, что капитан Хвостов чертовски хорош собой.

В дверь, меж тем, просунулась рожа матроса с клыкастой улыбкой, ещё бы вспомнить, как его зовут.

— Елена Владимировна, до конечной точки сорок минут, — предупредил он, — кофе?

С трубкой у уха я лишь кивнула на его слова.

— Наталья, у тебя что-то еще? Нет? Тогда сделай то, что я попросила, и пришли фото-отчет.

Положив трубку на узкую тумбочку между кроватями, я поднялась, сходила в душ и, натянув свежее белье из своего рюкзака и предоставленную форму, вышла из каюты. Двери опять не выдали моего присутствия в узком коридорчике и я прислушалась:

— Гостья встала, — доложил капитану матрос. Капитан сегодня был явно не в духе, еще бы, очередной секс обломился.

— Отнеси кофе Алеку, — устало произнес капитан, и я поняла, что нужно срочно входить.

Громко топая, вошла в кают-компанию и огляделась: на

столе меня ждал кофе и пара бутербродов с красной рыбой. Молча, даже не поздоровавшись, уселась и, притянув чашку, уже поднесла ее к губам, как капитан произнес:

— Я так и не понял, чем напугал вас. — Он опять перешел на «Вы».

Решив для себя, что честность — лучший друг девушек, ответила:

— Появились сомнения в пункте про «без последствий». Предохранитель предохранителем, а вот ЗППП никто не отменял.

Не моргающий и явно мало понимающий желтый взгляд стал мне укором. Пусть смотрит, мне не жалко, зато потом по врачам бегать не придется.

Капитан вышел первым, не произнеся больше ни слова. Я в тишине допила свой остывший кофе и, накинув тонкую куртку, вышла на палубу. Резиновые розовые сапоги на моих ногах были как бельмо на глазу, раздражая яркостью на фоне зеленой формы и белой яхты, заставляя меня морщиться от диссонанса.

Яхта подходила к старому, почерневшему от морской соли причалу. На берегу нас встречали мужчины все в той же камуфляжной форме. Все как на подбор: жилистые, крепкие, подвижные, интересные.

— Там семнадцать молодых мужчин, — раздалось за спиной, — и учтите, предохранителей нет ни у кого.

Пришлось прикусить губу, чтобы не рассмеяться в голос.

Надо же, как его мой отказ зацепил.

— Мне обещали баню, — не сдерживая улыбку, произнесла я.

— Будет вам... и баня тоже. — Прозвучало двусмысленно и крайне провокационно, однако ответить я не успела: на палубу вышел матрос.

Зацепив яхту канатом, он подал мне руку, в которую я нагло вложила свой рюкзак, и, ступив на причал, не оглядываясь, вышла на каменистый берег.

В прозрачном сосновом лесу пряталась старая турбаза, туда я, собственно, и направилась. Матрос вскоре догнал меня и провел к маленькому домику с одной облезлой дверью и зарешеченным окошком.

Разговаривать не хотелось, неуверенность, возникшая от мысли, что я одна среди двадцати мужчин, совершенно не грела. Ужасно не хватало чувства защищенности, и от этого я все время норовила спрятаться за сложенными на груди руками. Честно говоря, помогало слабо, и я поймала себя на неприятной мысли, что банально трушу.

Постоянно оглядываясь и спотыкаясь, я все же вошла в предоставленное мне жилье. Бросив рюкзак на аккуратно, но просто застеленную кровать, я вышла и углубилась в лес, ловя на себе заинтересованные взгляды мужчин.

Действительно, одни самцы, — подметила я для себя и стать, и породу, чувствующуюся в каждом движении, в малейшем повороте головы. И что самое странное, почти все

были или кареглазыми, или имели грязно-желтый, охровый цвет радужки.

Стараясь в открытую не таращиться на незнакомцев, я удалилась от турбазы. Шла по лесу вдоль берега, не углубляясь в заросли и не теряя большую воду из поля зрения.

Выбрав красивое и тихое местечко, облокотилась на каменный выступ у кромки леса, просто наслаждаясь природой и тишиной, благодаря мысленно подруг за такой неожиданный подарок.

Место оказалось шикарным. Свежий морской бриз смешивался с запахами леса и дымком далекого костра, вызывая счастливую улыбку.

— Вы зря так далеко ушли, — раздалось сверху.

От неожиданности я чуть не свалилась. — Зачем же так подкрадываться? — отряхивая ладони от налипшей прошлогодней хвои, я старалась успокоиться. — Вы бы хоть потопали для виду. — Александр, — рядом спрыгнул высокий мужчина, по виду мой ровесник. Мне протянули крепкую мужскую руку. — Приятно познакомиться, Елена, — поддержала я официоз, пожимая протянутую длань. — Извините, не хотел вас напугать. — Ничего, я не сильно напугалась, — конечно, я кривила душой, но мужчина мне понравился, было в нем что-то располагающее к себе. — Вы врете, — усмехнулся он, — я слышу, как ваше сердце всё ещё трепещет от страха.

Вскинув удивленно брови, я посмотрела в его желтые гла-

за, тоже мне, фонендоскоп ходячий. — Я не вру, пытаюсь быть вежливой. — Я так и понял, простите за прямолинейность, а вы случайно не знаете, от чего наш вожак настолько зол, что кидается на всех, кто под руку попадется? — Понятия не имею. — Я не соврала, по сути, я ведь понятия не имею, кто у них вожак. — Вижу, мое присутствие вам в тягость, — усмехаясь, Александр склонил голову, — не буду мешать.

Он уже отошел метров на пять, потом обернулся и через плечо произнес: — Здесь волки водятся, так что будьте осмотрительны, далеко не ходите. Мне хватило пары секунд на осмысление сказанного и быстрое принятие решения: «Не оставляйте меня одну!» — я крикнула в спину удаляющейся фигуре.

Кинувшись вслед мужчине, я умудрилась преодолеть разделяющие нас метры буквально в пару прыжков. Схватила его за ладонь и, беспокойно оглядываясь на лес, который тут же перестал быть приветливым, я старалась подстроиться под широкий шаг Александра. Воистину, это имя меня преследует, но об этом я подумаю в лагере, подальше от голодных хищников.

Территория лагеря упорно не хотела приближаться, а я между тем за каждым кустом видела жёлтые волчьи глаза. Жёлтые? Что-то много этого цвета в моей жизни за последние сутки.

И вот снова потянуло дымом от костра, я и не думала, что

умудрилась так далеко уйти. Как по волшебству, прозрачный лес расступился, и мы, сделав один-единственный шаг, держась рука об руку, вышли к лагерю.

Под большим навесом, за длинным столом собралась вся команда, туда меня и подвели. Сев с краю, я робко оглядела мужчин и, встретившись со знакомым жёлтым взглядом, хотела было представиться, но за меня это сделал Александр.

— Наша гостья, Елена в розовых сапожках. — Прозвучало как нелестная характеристика, отчего я смутилась и сникла, не решаясь сказать хоть что-то.

— Елена Владимировна, — поправил Александра капитан, — но да, сапожки розовые.

Снисходительная усмешка обидела, и тут смолчать я уже не смогла. Меня буквально раздирало изнутри на кусочки желание умыть или ткнуть носом зарвавшегося капитана. Никогда такого не было, и вот опять. Ага. В конце концов, они начали первыми.

— Я человек подневольный, что дали по договору, то я и надела на себя. Кто же виноват, что вы плохо подготовились к принятию гостей? — медленно произнесла я.

Усмешка слетела с капитанова лица, и он хмуро поедал меня взглядом, еле сдерживаясь, чтобы не сказать ещё что-то более обидное и едкое. А я продолжила:

— Оружие в стразах будет или как? Мне в розовых сапогах теперь только в стразах подавай, на меньшее я не согласна. — Мужчины, ухмыляясь, прятали глаза, но все упорно

молчали. А я продолжила, не спуская раздражённого взгляда с капитана:

— Помнится, в списке оплаченных услуг баня была, надеюсь, хоть не совместная? А то я купальник дома забыла, розовенький такой, модненький, со стразинкой на копчике. Там ещё веревочки такие тонюсенькие, что мне под него пришлось полную эпиляцию сделать.

И вот тут, глядя, как все мужчины сглотнули, я вдруг поняла, что спать буду одетой, запертой и ни в какую обещанную баню не пойду.

Язык мой – враг мой, как говорится. Вот так всегда, в начале говорю, потом думаю. Мысленно костеря себя за язык без костей, в повисшей тишине, под взглядом двадцати пар глаз, я была готова провалиться сквозь землю и, если можно, то провалите меня сразу в Москву, поближе к дому.

Нужно было выкручиваться и вытаскиваться из тупика, в который я сама себя загнала излишней болтливостью, и, гоготнув, не иначе спьяну, я добила присутствующих:

— А вы, мальчики, как, розовое носите? Может, рубашечки розовые или трусишки? Мне кажется розовый пойдет к цвету ваших глаз.

На меня молча смотрели и почему-то уже без улыбок. Мне бы уже тоже заткнуться, но щенячья храбрость и не обузданная женская глу… самонадеянность (да, именно она) распирала, заставляя говорить о всякой ерунде: — А мне нравится розовый, хочу «Мерседесик» поярче и чтобы глазки круг-

ленькие и крышечка откидывающаяся, летом в московских пробках самое то. Знакомиться можно не выходя из машинки. Крутотень.

«Что я несу?» — мысль стучала в голове набатом, однако остановиться не получалось. Тормоза не срабатывали, видимо, пугающее количество мужчин на одном квадратном метре сломало к чертям тормозную систему и мою нервную, за одно с ней. Удивляясь самой себе и тем выражениям, которые вырывались из моего рта (где только понабралась?), я никак не могла взять себя в руки, видимо от страха:

— У меня подруги, те, которые мне поездку подарили, они тоже розовый цвет любят. Верка так вообще все стены в квартире в розовый покрасила. Домик «Барби» в одной взятой двухкомнатной квартире. У нее там даже унитаз розовый. Естественно, ничего подобного не было, мы вообще с подругами с розовым мало дружили, но кого это сейчас волновало? Точно не меня.

Зато лица у мужиков повытягивались, и у одного взятого капитана, кажется, щека дернулась. Пора было заканчивать с этим розовым бредом, и я сказала:

— Ну вы тут посидите, а я пойду вещи переберу. Нужно к сапогам пару найти, чтобы им скучно не было.

И я скоренько так встала и, не прощаясь, ушагала к выделенному мне домику, оставив мужчин один на один с непостижимой женской логикой.

То ли от страха, то ли от быстрой ходьбы, сердце бешено

колотилось, отдаваясь каждым ударом в висках и запястьях. Закрывая двери, я провернула ключ до упора, опустила жалюзи и только после этого оглядела комнату на предмет хоть какого-то оружия. Даже старого стула не присутствовало, из мебели, кроме кровати, шкафа и умывальника в углу, не было ничего.

Только сейчас я осознала весь кошмар ситуации: я одна, неизвестно где, в окружении двадцати «молодых мужиков без предохранителей» (кажется, так сказал капитан), и туалет на улице.

Даже если я очень захочу просидеть взаперти до момента отъезда, у меня это просто не получится. Если пару дней без еды я продержусь, то вопрос с туалетом стоял ребром.

Соображая, что же мне делать дальше, я пропустила стук в дверь. Он настойчиво повторился, привлекая мое внимание. — Кто там? — спросила я, пытаясь разглядеть в замочную скважину хоть что-то. На коленях перед дверью сидеть, конечно, неудобно, но я себе отрезала все пути отхода своим розовым бредом. Все, что мне удалось разглядеть – темную фигуру. И вот умом я понимаю, что из женщин на километров пятьдесят, а то и больше, я одна, и что там неоспоримо стоял мужчина, а все равно хочется верить в лучшее. — Елена Владимировна, — голос матроса я узнала сразу, — баня готова.

И вот дурацкая ситуация: что мне делать теперь? Сама просила баню, и тут на тебе, передумала. Вставляя в замоч-

ную скважину ключ, я смогла сделать только один оборот, и ключ напрочь отказался двигаться дальше. — Я, кажется, застряла, — крикнула через дверь, пока парнишка не ушел. Почувствуй себя Винни-Пухом, называется.

С улицы дверь толкнули, чуда не произошло, ключ не повернулся. — Попробуйте подтолкнуть дверь плечом, — предложил парнишка. Попробовала, ключ сидел как влитой, отказываясь поворачиваться как в одну, так и в другую сторону. — Не получается, — нервно выкрикнула я. Клаустрофобией я не страдала, просто сама тенденция была пугающей. Сразу вспомнилось, как меня сажали в поезд, как почему-то я уехала без вещей, презервативы эти надутые, спасательный круг, Анатолий со своим предложением жениться, почти утонувшая моторка и подслушанный разговор. — Просуньте ключ под дверь, я попробую открыть с этой стороны.

Сидя на полу, я тянула и дергала ключ во все стороны, он не сдвинулся ни на миллиметр, от усилий вспотели ладошки, и мелкая железяка начала еще и выскальзывать, отчего я откровенно разрыдалась. — Вы там что? Плачете? — вопрос матроса, вернее, тон, которым он был озвучен, добавил сырости.

Почувствовав себя обессиленной и жутко уставшей, я сидела на полу и всхлипывала, облокотившись на дверь. В дверь забарабанили с удвоенной силой. — Елена, откройте дверь, это я, Александр, — и вот лучше бы он этого не про-

износил.

Семь лет, выкинутые из жизни, на его тезку привели к судорожным рыданиям.

Стучали уже не только в дверь, тарабанили в окно, требуя его немедленно открыть или хотя бы показаться. С трудом заставив себя подняться и поднять жалюзи, с ужасом обнаружила за окном капитана, судорожно дергающего решетку. Та скрежетала, но не поддавалась, окно открыть я тоже не сумела. Две старые деревянные створки без форточки оказались заколоченными с улицы. Капитан бросился к двери, а я устало села на кровать, обняла голову руками и продолжила рыдать, оплакивая десять последних лет своей неудавшейся жизни. И даже с грохотом выломанная с одного удара дверь не заставила меня успокоиться, а вот капитан с дурацкой фамилией Хвостов, кинувшийся ко мне и стремящийся заглянуть в мои глаза, даже очень. Сидя в мужских крепких объятиях, все еще всхлипывая и вытирая нос об чужое плечо, я услышала: «Командир, там баня остывает, девочку бы помыть, а то мало ли что».

Слезоразлив прекратился мгновенно. Вскинувшись и глядя на одного из страйкболистов, я нервно спросила:

— Мало ли что, что?

Перевела гневный взгляд на командира: — Он сейчас о чем? Роман, кажется, так звали командира, издал странный звук, очень напоминающий рык. Меня пробрало и без бани, до пальчиков ног... Чуть с придыханием не потребовала

повторить, но вот это «мало ли что» расслабиться не позволило, к тому же внутренний голос сейчас просто кричал об опасности.

— Вы… Вы что задумали?

Охватившая меня паника перебила истерику, и я уже была готова бежать через лес, полный голодных хищников, напрямки к городу или идти в рукопашную, но первое вернее.

Выпутавшись из захвата цепких рук и вскочив, я уперлась спиной к шкафу:

— Что бы в ваши планы не входило, я против и буду сопротивляться до последнего, — сквозь зубы прошипела я, вжимаясь в дверку.

— Тьфу, дура, — выругался мужик в дверях, — да кому ты нужна, просто мы тоже в баню хотим, а она остывает.

И так неловко стало, но наглость она города берет, или это про смелость? Хотя я сейчас была не сильна в анализе.

— Да много кому нужна. А главное себе любимой. Вот. И вообще, идите вы все в... баню.

Мужик равнодушно пожал плечами и свалил, оставив меня наедине с молчавшим командиром и выбитой дверью, которая теперь не то что бы не запиралась, а вообще отдельно от косяка стояла, смирно так, прислоненная к стеночке.

5

— Ночевать будешь в моем домике, — безапелляционно прозвучало за спиной. — Сумку я уже твою собрал, и кто такой Хвостовский?

Последнее прозвучало с нотками угрозы.

— Да какая тебе разница?

Оглянувшись на гибкую фигуру, подошедшую вплотную ко мне, с удивлением поняла, он значительно выше меня. Ранее я этого как-то не заметила, сейчас же, стоя босыми ногами на деревянном полу, разница ощущалась сильно. Закинув голову до ломоты в шее, я разглядывала желтые, невероятные глаза со зрачком, сжатым в черную точку, мужественный выбритый подбородок, сильную шею, широкие плечи — вообще, все виденное мне нравилось. Но семь лет, выброшенные на холеную подстилку, не пропускающую ни одной юбки, и вопрос капитана: «Ты боишься, что я не справлюсь без предохранителя?», слились в один жутко воняющий помоями ком. И меня затошнило. Постаравшись оттолкнуть от себя мужское тело, поняла одно: оно упорно цепляется за меня и отталкиваться не собирается.

Более того, одним ловким движением меня подбросили и, перекинув через плечо, понесли вглубь леса. Кричать? Показательно вырываться?

Глупо. Справиться сил не хватит, а вот внимание к себе привлечь – это запросто. Их тут много, мало ли, вдруг кто решится присоединиться. А оно мне надо? Молча, уперевшись в широкую спину, я терпеливо дожидалась развязки.

Домик хозяина положения, снаружи показался мне еще более необжитым, чем тот, из которого пару минут назад меня унесли. Правда, здесь было не в пример чище, чем в оставленной за спиной халупе с приставной дверью: кровать стояла двухспальная, шкаф-купе и свой санузел с душем. Туда я и направилась, как только меня отпустила стараясь быстрее скрыться от желтых глаз. Нагло при этом игнорируя претензионные взгляды командира. Душевая кабина от обилия шерсти на стенках ничего, кроме брезгливости, не вызвала, а вот с унитазом все оказалось значительно лучше. Чистый, со стойким запахом хлорки, и ему я обрадовалась как родному.

— Ром, ты что, собаку мыл? — выйдя, спросила я. — Мог бы стенки ополоснуть.

— Волка, — с плотоядной улыбкой ответил Хвостов.

— Издеваешься? — Глядя на клыкастую морду лица Ромула, меньше всего мне хотелось думать о том, что он говорит серьезно, но шерсть на стенках душевой служила неоспоримым подтверждением его слов.

— Аааа, так вы из зеленых, — найдя удобоваримое объяснение для себя, я немного успокоилась.

— Я бы сказал, из серых, — хмыкнули мне в ответ, опять пытаясь все испортить глупой шуткой.

Не поддавшись на идиотский юмор капитана, который я, кстати, не поняла, уселась на край кровати, попрыгала на ней пару раз. — А ты где будешь спать? — поерзав под суровым взглядом и оценив упругость матраца, поинтересовалась я.

— Сейчас ты идешь в баню, тебе нужно согреться, — резко сменив тему беседы, Ромул бросил на мои колени огромный махровый халат из личных запасов.

— А что, розового нет? — разглядывая подношение, я упорно старалась не смотреть на командира, опасаясь попасть под завораживающий взгляд его необычных глаз. Достаточно уже одного того, что мне с ним в одном домике ночевать. — Слушай, а что у тебя со зрачками? Ты на чем-то сидишь?

Эти мысли возникли в голове сразу, еще при первом знакомстве, слишком маленькая точка зрачка наталкивала на подобный вывод.

— Не начинай, вы, люди, вечно цепляетесь к ерунде.

Я бы, может, и смолчала, но сама постановка обвинения зацепила. Ну да, мы люди, а кто еще? Пришельцы? Инопланетяне?

— О, простите великодушно, если обидела вас, пришельцев. А ты с Марса или с Альфа-Центавра?

— Местные мы. Исконно корельские. — И на меня так многозначительно посмотрели, как будто только что открыли страшный секрет.

— То-то я смотрю, имена у вас непривычные, не по пра-

вославным канонам. Тебя как в церкви-то крестили с таким именем?

Мне не ответили, видимо слишком ярко сарказм выделялся в словах.

— Вставай, я провожу тебя в баню. В ночь мы выходим на позиции, так что к кровати ты зря примеряешься, тебе ничего не светит.

Как оказалось, Хвостов тоже умеет язвить, и от его слов стало немного обидно: можно подумать, я тут в очереди стою в его постель. Перевернул все с ног на голову и стоит, довольно скалится. Преодолев обиду, а заодно и надуманные, как мне уже казалось, страхи, в баню я все же собралась, прихватив с собой пару простыней из шкафа, халат и свежее белье, а заодно продумав план, как буду отбиваться от желающих присоединиться к банным процедурам.

* * *

Банька оказалась миленькой, свежеотремонтированной, с запахом хвои и можжевельника. Полы в парной, выстланные сухим разнотравьем, удивили; раньше мне не приходилось с таким сталкиваться.

Ногам было н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.